

РИВЬЕРА

«Hôtel des Palmiers et de la Plage. Rendez-vous du high-life français et étranger, situation unique, vue incomparable, séjour idéal d'hiver et d'été, 300 chambres, dernier confort moderne, cuisine réputée, grand parc, tennis, deux garages, ouvert toute l'année...» *

Огромное, пятиэтажное здание, похожее на все отели в мире, безобразно высится над сплошными садами, спускающимися по холмам к берегу моря, синяя равнина которого кажется лежащей за древесными вершинами на их уровне. В нижнем этаже здания все залы не в меру обширны, с колоннами под мрамор. Из просторного вестибюля можно пройти по террасе со столиками и плетеными креслами под оранжевыми зонтами в парк. Он занимает южную часть поместья, бывшего когда-то монастырским, и похож на старый пальмовый лес. Стара в нем и великолепная кипарисовая аллея, покато идущая от террасы к морю, к пляжу. Днем из окон и с балконов верхних этажей видны влево дымчато-сиреневые прибрежья Италии, ночью — розовые огни Бордигеры.

Август, отель полон.

Он кто-то при каком-то министерстве иностранных дел. Она ждет из Парижа мужа. Оба от чего-то отдыхают. Познакомились после обеда в холле, теперь вместе купаются перед завтраком, ездят на автокарах в Монте-Карло, в Турби, Сен-Поль, Ванс, на Антибский мыс, на Лоренские острова... В отеле завтракают и обедают порознь, каждый за своим столиком, но после обеда пьют кофе и слушают музыку опять вместе. Потом выходят в парк и к морю — «подышать перед сном воздухом».

Ему лет сорок пять, ей около сорока. Оба высоки и стройны. Он сух, с подстриженными усами, в пенсне без оправы, которое он, беря перед обедом меню, кончиками пальцев сжимает, чтобы снять. Удивительно приличен и недоступен. Удивительно тонконог в голенях и щиколотках, — это даже поражает, когда он, в смокинге, в бальных туфлях лодочкой с бантиком и в черных шелковых чулках, сидит после обеда в вестибюле, положила ногу на ногу, курия сигару и прихлебывая кофе... Она выходит к обеду, блистая чудесно сделанным цветом лица, голых рук и плечей, подведенными глазами, жемчужным ожерельем, перстнями на пальцах с острыми ногтями, гофрированными платиновыми волосами, в длинном серебристом платье — в нем ее высокое тело изгибается так, точно оно без костей. Вся она, так же, как и ее серебристая сумочка, женственно пахнет пудрой.

Вот уже густо синее жаркий южный вечер. Уж готова к обеду матово освещенная столовая. И долго идет этот не в меру изысканный обед дурного тона под струнную музыку, в тесноте того нарядного люда, что так зоологически идет на пляж утром в разноцветных халатах, из-под которых мелькают грубые, волосатые ноги мужчин и нежные, круглые — женщин.

С час посидев за кофе, после обеда, в холле, они не спеша выходят на террасу, на теплую лунную ночь. Он докуривает сигару, она, захватив левой рукой длинный подол, еще раз взглядывает, приподняв брови, в синее от лунного света зеркальце в сумочке, потом, щелкнув ею, говорит, вздыхая:

— Mon Dieu, quelle beauté**.

* Hôtel des Palmiers et de la Plage. Встречи людей высшего света Франции и других стран, местоположение единственное в своем роде, несравненные виды, идеальный отдых зимой и летом, 300 комнат, самый современный комфорт, прочно зарекомендовавшая себя кухня, обширный парк, теннис, два гаража, открыт круглый год... (франц.).

** Боже, какая красота (франц.).

Кипарисовая аллея под террасой высока, черна, неподвижна, в ее коридоре бархатно-темно, только кое-где блещут зелеными змеиными глазами пятна лунного света. Лунное море золотой выпуклостью лежит вдали, за чернотой кипарисовых вершин. Полная теплая луна спокойно стоит над пальмами влево, — в той стороне, где всегда по ночам роятся розовые огни Бордигеры. Он берет под локоть ее обнаженную руку, чувствуя холодок и персиковую нежность ее тела, осторожно сводит ее с террасы в аллею. В дальнем конце ее сумрачного и теплого коридора, упирающегося в море, таинственно, зеркально сияет полоса золотой воды. Всюду тишина, нигде ни души — все в холлах отелей, в барах, в казино... Они молча, под руку доходят до конца аллеи — теперь эта блестящая, чуть переливающаяся золотом вода в десяти шагах от них лежит плоско и низко. По сторонам сказочная пестрота света и тени под черными врозь раскинутыми султанами пальм. У скамьи в конце аллеи они останавливаются. Он кончиками двух сухих пальцев аккуратно сжимает щипчики пенсне, кладет его в наружный карманчик смокинга и, шурясь, смотрит невидящими глазами. Она с томным вздохом поднимает руки, кладет ему на плечи и, наслаждаясь изяществом своего любовного счастья, проводит по его губам бархатистой нежностью щеки, потом притворно-страстно вшивается в них и дает ему влажный кончик языка.

10.1.44

Парижский архив Бунина.

Впервые опубликовано в 1963 г. в Нью-Йорке. Печатается по этому тексту с исправлением двух опечаток, указанных Л. Ф. Зуровым в письме к А. К. Бабореко 2 ноября 1962 г. («берет под локоть» вместо «берет по локоть»; «жаркий южный вечер» вместо «жаркий юный вечер»).

Датируется на основании сведений, сообщенных в том же письме: «Рассказ был написан 10.1.44. Назывался он тогда „Hôtel des Palmiers“. Рассказ был перепечатан потом Верой Николаевной. Иван Алексеевич сильно его выправил, выбросил конец. Французский текст вписал своей рукой. „Hôtel des Palmiers“ зачеркнул, надписал „Ривьера“».

Нью-йоркская публикация сопровождается примечанием Л. Ф. Зурова: «Рассказ „Ривьера“ Иван Алексеевич хотел включить в книгу „Темные аллеи“, но потом раздумал. Оставил его в пакете с ненапечатанными рассказами».

Воспроизведено (без первого абзаца и без точной ссылки на источник): «Дон», 1968, № 3.

АЛЯ

В далеком уездном городе, в далекой ранней молодости...

Приезжал из деревни брат книги в городской библиотеке — там и встретил в первый раз, вышли вместе, разговорились — оказалось, что наговориться по дороге нельзя, зашли в пустой городской сад, сели на скамью в главной аллее и опять без конца расспрашивали друг друга:

— Вы не кончили гимназию? А я кончила только прогимназию, у папы нет средств продолжать мое образование, он машинист на товарных поездах... Я теперь читаю «В лесах» и «На горах», а вы? Я люблю больше Лермонтова, чем Пушкина, а вы? Так вы правда придете на будущей неделе? Мне столько еще надо спросить вас! Меня зовут Аля. А вас?

Когда во второй раз сидели в саду, говорили уже мало. Все целовал ее руку, она все ниже клонила голову.

Приехав накануне новой встречи вечером, остановился, как всегда, на постоялом дворе, пил чай в жалком номере, при одной темной свечке, и заснул под шум дождя, думая: нет, завтра бог даст милое утро, солнце... будут легкие тени на сырых дорожках сада, и опять буду сидеть и ждать ее, и выступят на глазах слезы сладкой жалости и счастья, когда увижу,